

Курт Воннегут

библиотека классики

Курт Воннегут

Курт Воннегут

Вербное воскресенье
Вампитеры,
фома и гранфаллоны

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111-82(73)

ББК 84(7Coe)-44

B73

Серия «Библиотека классики»

Kurt Vonnegut

PALM SUNDAY

WAMPETERS, FOMA AND GRANFALLOONS

Перевод с английского А. Аракелова («Вербное воскресенье»),
В. Миловидова («Вампитеры, фома и гранфаллоны»)

Серийное оформление и компьютерный дизайн В. Воронина

Печатается с разрешения The Wylie Agency (UK) Ltd.

Книга содержит нецензурную брань

Воннегут, Курт.

B73   Вербное воскресенье. Вампитеры, фома и гранфаллоны : [сборник] / Курт Воннегут; [перевод с английского А. Аракелова, В. Миловидова]. — Москва : Издательство AST, 2025. — 608 с. — (Библиотека классики).

ISBN 978-5-17-178237-5

«Вербное воскресенье». Книга, которую сам Воннегут называл «автобиографическим коллажем». Детство, юность, война, плен, любовные переживания и творческий взлет — воспоминания, которые писатель тасует, точно колоду карт, легко и почти небрежно. И на фоне всех этих зарисовок проступает всю жизнь терзавший его вопрос: как спастись от одиночества и обрести в этой жизни смысл?

«Вампитеры, фома и гранфаллоны». Блестящая подборка эссе, интервью, критических статей и публицистики самого яркого периода творчества Воннегута — с середины 1960-х до середины 1970-х годов. «Смеющийся пророк Апокалипсиса» расскажет вам о научной фантастике и великих мистиках, о политике, войне, серийных убийцах, космонавтике, Африке, масскультуре — обо всем на свете... так, как умел рассказывать только он!

УДК 821.111-82(73)

ББК 84(7Coe)-44

© The Ramjac Corporation, 1981

© Kurt Vonnegut, 1965, 1966, 1967, 1968, 1969,
1970, 1971, 1972, 1973, 1974

© Перевод. А. Аракелов, 2023

© Перевод. В. Миловидов, 2025

© Издание на русском языке AST Publishers, 2025

Вербное воскресенье

*Моим родственникам из рода Сен-Андре,
где бы они ни жили.
Кому достался замок?*

ВСТУПЛЕНИЕ

Эта книга — великое творение американского гения. Я трудился над ней шесть лет подряд. Я рычал и бился головой о батарею. Я истоптал холлы всех нью-йоркских гостиниц, думая об этой книге, я рыдал и голыми руками ломал мебель и старинные часы.

Это блестящий новый литературный жанр — книга сочетает неукротимую мощь серьезного романа и зубодробительную актуальность военной журналистики — почти забытой в наше время, хотя... Кто знает, кто знает. Я также вплел в повествование яркую бесшабашность мюзикла, убийственный хук рассказа, легкий аромат личной переписки, литавры американской истории и напряженные нотки детектива.

Книга эта настолько глубокая и мощная, что напоминает мне эксперименты моего брата с радио. Он собрал передатчик собственной конструкции, подключил к нему телеграфный ключ и включил установку. Затем он позвонил нашему двоюродному брату Ричарду, который жил в паре миль от нас, и сказал, чтобы тот включил свой приемник и покрутил настройки — вдруг на какой-нибудь частоте тому удастся расслышать сигналы моего брата. Им обоим было по пятнадцать лет.

Бернард выступжал легко узнаваемые сообщения одно за другим. Сигнал «SOS». Дело было в Индиана-

полисе, крупнейшем городе мира, лежащем вдали от морских трасс.

Ричард перезвонил ему. Он был поражен — сказал, что сигналы Бернарда были отчетливо слышны по всем частотам, они заглушали новости, музыку и все, что в этот момент пытались передавать нормальные радиостанции.

Эта книга, несомненно, является шедевром небывалого масштаба, и, как новое явление, как полномасштабная атака на человеческие чувства, она требует введения нового понятия. Я предлагаю термин «лажа». Во времена моей юности мы определяли это слово как «два фунта дерьма в однофунтовой сумке».

Я не против того, чтобы другие книги, попроще этой, но сочетающие выдумку и факты, тоже называть «лажей». «Книжное обозрение “Нью-Йорк таймс”» могло бы завести третью категорию для бестселлеров, что, по-моему, давно пора сделать. Если бы для «лаж» составляли отдельный список, их авторам более не пришлось бы выдавать себя за обычных романистов, историков и тому подобное.

Но, пока этот счастливый день не наступил, я на правах действительно великого автора настаиваю, что эта книга должна попасть в разделы как документальной, так и художественной прозы. То же и с Пулитцеровской премией: эта книга должна стать полным кавалером, победив в категориях романистики, драматургии, истории, биографической прозы и журналистики. Поживем — увидим.

Эта книга — не только лажа, но и коллаж. Сначала я хотел собрать в один том большую часть своих обзоров, речей и эссе, появившихся на свет после выхода прошлой подобной публикации 1974 года, «Вампитеры, фома и гранфаллоны». Но, разложив по порядку разрозненные тексты, я заметил, что они выстраиваются в подобие автобиографии, особенно если добавить к ним

некоторые фрагменты, написанные не мной. Дабы вдохнуть жизнь в этого голема, мне понадобилось добавить много соединительной ткани. Я справился.

Читатель найдет в этой книге мои размышления о том и о сем, потом какую-нибудь мою речь, или письмо, или что-то еще, потом еще немного болтовни и так далее.

На самом деле я не считаю эту книгу шедевром. Она неуклюжая. И сырая. Впрочем, по-моему, она полезна как пример противостояния американского романиста и его собственной непреходящей наивности. В школе я был тупицей. Что бы ни было причиной этой тупости, оно сидит во мне и сейчас.

Я посвятил эту книгу роду де Сен-Андре. Я сам из де Сен-Андре, это девичья фамилия моей прарабабушки по материнской линии. Мама считала, что это говорит о ее благородном происхождении.

Ее вера была совершенно невинной, не стоит язвить и издеваться над ней. Мне так кажется. Все мои книги пытаются доказать, что человеческими поступками, какие бы они ни были гадкие, глупые или возвышенные, движут вполне невинные мотивы. Тут к месту придется фраза Марши Мейсон, блестящей актрисы, которая как-то оказала мне честь, согласившись сыграть в моей пьесе. Как и я, она уроженка Среднего Запада, родом из Сент-Луиса.

— Знаете, в чем проблема Нью-Йорка? — спросила она меня.

— Нет.

— Там никто не верит, что на свете существует невинность.

Человек, исповедующий либеральные взгляды и выбравший в спутники жизни личность, полную предубеждений, рискует своей свободой и своим счастьем.

Клеменс Воннегут (1824–1906).
Наставления в морали
(Холленбек Пресс, Индианаполис, 1900)

ПЕРВАЯ ПОПРАВКА

Я принадлежу к последнему, как мне кажется, заметному поколению профессиональных, целиком посвятивших жизнь своему ремеслу американских романистов. Мы все в чем-то похожи. Великая депрессия сделала нас едкими и наблюдательными. Вторая мировая нанизала нас, и мужчин, и женщин, воевавших и оставшихся в тылу, на единую натянутую струну. Последовавшая эра романтической анархии в литературе дала нам деньги и каких-никаких учителей в пору нашей юности — когда мы только постигали ремесло. Печатное слово в ту пору в Америке еще оставалось главным способом записи и передачи мыслей на большие расстояния. Но это в прошлом, как и наша молодость.

В прошлое ушли и толпы издавателей, редакторов и агентов, готовых поощрять деньгами и советом молодых писателей, рождающих такую же корявую прозу, как мои сверстники в те далекие годы.

Это было веселое и полезное время для писателей — сотен писателей.

Телевидение уничтожило рассказ как жанр, и теперь в книгоиздательстве верховодят счетоводы и бизнес-аналитики. Им кажется, что деньги, потраченные на издание чьего-то первого романа, потрачены зря. Они правы. Как правило.

Так вот, повторюсь — я, видимо, принадлежу к последнему поколению американских романистов. Теперь романисты будут появляться поодиночке, а не плеядами, будут писать один-два романа и забрасывать это дело. Многие из них получат деньги по наследству или вступив в брак.

Самым влиятельным из моего круга, по-моему, является Дж.Д. Сэлинджер, несмотря на его многолетнее молчание. Самым многообещающим был Эдвард Льюис Уоллент, который ушел от нас слишком рано. И я подозреваю, что смерть Джеймса Джонса два года назад — он-то уже был немолод, практически мой ровесник — придала этой книге отчетливый осенний привкус. Были, конечно, и другие напоминания о собственной бренности, можете мне поверить, но смерть Джонса проозвучала громче всех. Может, потому, что я часто вижусь с его вдовой, Глорией, и потому, что он, как и я, был уроженцем Среднего Запада и, как я, стал участником нашего главного приключения — Второй мировой войны — в качестве призывника. Заметьте, что, когда самые известные авторы моего литературного поколения писали про войну, они почти единодушно презирали офицеров и делали героями полуобразованных, агрессивно-простонародных призывников.

Джеймс Джонс как-то рассказал мне, что издательство Скрибнера, печатавшее еще и Эрнеста Хемингуэя, захотело свести их вместе, чтобы два старых вояки поболтали о том о сем.

Джонс отказался. По его словам, он не считал Хемингуэя солдатом. Во время войны Хемингуэй мог приезжать на фронт и уезжать, когда ему вздумается, мог наслаждаться вкусной едой, женским обществом и так далее. Настоящим же солдатам приходилось находиться где приказано, идти куда приказано, есть помои и терпеть попытки противника прикончить их всяческими неприятными способами день за днем, неделю за неделей.

Наверное, самое замечательное в писателях моего поколения — возможность говорить абсолютно все без опаски или страха наказания. Наши американские потомки могут не поверить, как не верит большинство иностранцев, что какая-нибудь страна может принять закон, который звучит, скорее, как мечта, и гласит:

«Конгресс не должен издавать ни одного закона, относящегося к установлению какой-либо религии или запрещающего свободное исповедание оной, либо ограничивающего свободу слова или печати, либо право народа мирно собираться и обращаться к правительству с петициями об удовлетворении жалоб»¹.

Разве может народ такой страны растить детей иначе как в духе соблюдения приличий и взаимоуважения? Это совершенно невозможно. Данный закон, несомненно, должен быть отменен ради блага детей.

И даже сейчас мои книги за компанию с произведениями Бернарда Маламада, Джеймса Дики, Джозефа Хеллера и многих других подлинных патриотов регулярно вышвыривают из школьных библиотек решениями школьных советов, члены которых часто говорят, что сами-то книг не читали, но знают из достоверных источников, что книги-де вредны для детей.

Мой роман «Бойня номер пять» даже был сожжен в печи уборщиком школы в городе Дрейк, штат Северная Дакота. Так постановил школьный комитет, и школьный совет сделал публичное заявление о ее «непристойности». Даже по стандартам викторианской Англии единственной нецензурной фразой во всем романе была:

— Убирайся с дороги, тупой долбоеб!

Американский артиллерист крикнул это другому американцу — безоружному помощнику капеллана во

---

¹ Первая поправка к Конституции США. — Здесь и далее примеч. пер.